

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 4 / 2025, Vol. 16, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK425.pdf>

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иванова, С. В. Якутские народные песни как объект перевода: проблемы и методы межкультурной передачи / С. В. Иванова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK425.pdf>.

For citation:

Ivanova S.V. Yakut folk songs as an object of translation: problems and methods of intercultural transmission. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(4): 48FLSK425. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK425.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.512.157

Иванова Саргылана Владимировна

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Россия

Доцент

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: i.sargylana@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=329776

Якутские народные песни как объект перевода: проблемы и методы межкультурной передачи

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу перевода якутских народных песен на материале сборника «Якутские народные песни. Часть 2». Цель исследования — рассмотреть якутскую народную песню как объект перевода, реконструировать историографию её изучения и проанализировать специфику переводческих стратегий, выработанных в рамках отечественной академической науки. В работе прослеживаются традиции научного изучения песенного фольклора саха, начиная со второй половины XIX века (И.А. Худяков, В.Л. Серошевский), и их влияние на становление принципов научного перевода. Особое внимание уделяется советскому периоду и оформлению исследований, связанному с деятельностью Института языка и культуры. Центральное место в статье занимает анализ жанрово-тематической классификации песен, разработанной Г.У. Эргисом, и специфики перевода обрядовых (ысыах, алгыс) и мифологических текстов, насыщенных культурными концептами и безэквивалентной лексикой. На конкретных примерах демонстрируется, как перевод преодолевает рамки лингвистической операции, превращаясь в акт межкультурной декодировки, и становится ключевым инструментом фиксации, сохранения и трансляции уникального культурного кода народа саха. Методологическая роль Г.У. Эргиса раскрывается как основателя целостной школы академического перевода, чьи принципы — двуязычное издание, контекстуальный комментарий, баланс точности и художественности — заложили эталон для последующих исследований. Таким образом, статья подчёркивает, что адекватный перевод фольклорного текста является сложной научной задачей, требующей синтеза филологической, этнографической и переводческой компетенций.

Ключевые слова: якутский фольклор; народные песни; перевод; безэквивалентная лексика; реалии; культурный код; жанровая классификация; Г.У. Эргис

Введение

Якутские народные песни представляют собой сложный и многогранный объект для научного исследования и художественного перевода. Целью данной статьи является анализ якутских народных песен как объекта перевода с опорой на теоретико-методологические основания, а также реконструкция историографии вопроса и специфики переводческих стратегий, выработанных в рамках отечественной науки.

«Культурный код» в контексте данной работы понимается в русле семиотической традиции Ю.М. Лотмана. Учёный рассматривал любой текст культуры как потенциальный код, то есть структуру, способную «выполнять функцию «перевода уже имеющегося сообщения в новую систему значений» [1, с. 172]. Такой код не добавляет новые сведения к уже имеющимся, задаёт порядок мышления и обеспечивает перекодировку смыслов внутри культуры и при её контакте с другими системами [1, с. 172]. Якутские народные песни выступают классическим примером такого текста-кода, аккумулирующего и транслирующего мировоззренческие, этические и природные представления народа саха. Задача перевода в таком случае закономерно превращается из языкового преобразования в процесс межкультурной декодировки — попытку перевести сообщение, зашифрованное в одной системе значений (якутской фольклорной традиции), в иную семиотическую систему (русскоязычный научный и культурный дискурс) с минимальными смысловыми потерями.

Центральным лингвистическим выражением культурного кода является «безэквивалентная лексика» или «реалии». С. Влахов и С. Флорин определяют их как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому», которые «не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях» [2, с. 47]. Именно такая лексика формирует семиотическое ядро фольклорного текста и создает главную трудность для переводчика.

Академический перевод фольклорного текста понимается в данном исследовании как научно выверенная практика, ставящая во главу угла максимально точную, комментированную передачу исходного текста с сохранением его этнографической достоверности. Этот подход соотносится с принципом «полноценности перевода», сформулированным А.В. Федоровым, который подчеркивал необходимость «исчерпывающей передачи смыслового содержания подлинника и полноценного функционирования переводного произведения» [3, с. 18], а также с теорией «закономерных соответствий» Я.И. Рецкера, основанной на поиске постоянных, контекстуально независимых отношений между единицами исходного языка и языка перевода [4], что также согласуется с современными лингвистическими подходами к переводу (Комиссаров В.Н.) [5].

Становление академической школы перевода в Якутии

История систематического изучения якутских народных песен начинается во второй половине XIX века и неразрывно связана с развитием отечественной фольклористики и этнографии. Первый значительный опыт фиксации и классификации якутского песенного фольклора принадлежит И.А. Худякову, который в своём труде «Краткое описание Верхоянского округа» (1869) рассмотрел народные песни в контексте духовной культуры, поместив их в раздел «Умственное развитие» наряду со сказками и пословицами [6, с. 365–369]. Следующий важный этап связан с именем В.Л. Серошевского, который в конце XIX века не только собрал обширный материал, но и предложил одну из первых жанровых классификаций, разделив песни на «импровизации» и «настоящие», а последние — на героические, любовные, плясовые, шаманские и др. [7].

История научного перевода якутского фольклора неразрывно связана с развитием академической науки в Якутии, оформившейся в деятельность единого научного центра (с 1935 г. — Научно-исследовательский институт языка и культуры, позднее — ИГИИПМНС СО РАН). Как отмечает И.В. Рожина, с момента создания Научно-исследовательского института языка и культуры в 1935 году началась планомерная работа по сбору, публикации и переводу фольклорных текстов, заложившая основы для последующего формирования академической школы перевода [8, с. 157]. Выход в 1942 году сборника «Саха народун айымньыта», где Г.М. Васильев и Х.И. Константинов разделили песни на дореволюционные и советские, отражал идеологический контекст эпохи, но также способствовал систематизации материала [9].

Центральной фигурой в становлении академического перевода якутского фольклора по праву считается Г.У. Эргис, которого исследователи С.Д. Мухоплева и И.В. Рожина определяют как «одного из основоположников переводческой деятельности фольклорных текстов» и создателя соответствующей научной школы [8, с. 157; 10, с. 9]. Его многолетняя работа по организации экспедиций и созданию двуязычных научных публикаций увенчалась изданием четырехтомного сборника «Якутские народные песни» (1976–1980 гг.) [11]. Этот труд является основным источником для настоящего исследования.

Важнейшим принципом, унаследованным от методологии Г.У. Эргиса, стала практика двуязычных научных публикаций, обеспечивающая как доступность материала, так и проверяемость перевода. Эта традиция, зародившаяся с первой публикации Института на двух языках олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (текст К. Г. Оросина, перевод, комментарии и вступительная статья Г.У. Эргиса, 1947) и продолженная в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», стала отличительной чертой якутской академической фольклористики.

Таким образом, формирование и развитие академической школы перевода якутского фольклора, прошло несколько этапов: от первых опытов фиксации в 1930-х годах через становление в 1940-х с работой Г.У. Эргиса до плодотворного развития во второй половине XX века и выхода масштабных серийных изданий в постсоветский период. Составителями серий и переводчиками фольклорных текстов этого периода являются Н.В. Емельянов [12], Н.А. Алексеев [12], В.Т. Петров [12], С.П. Ойунская [11; 13], П.Е. Ефремов [11], А.А. Билюкина [14], С.Д. Мухоплева [14], Н.В. Павлова [14] и др.

В XXI веке историография вопроса и практика работы с фольклорным наследием обогащается за счёт развития цифровых гуманитарных наук. Появляются корпуса текстов, мультимедийные базы данных и онлайн-архивы, направленные на долгосрочное сохранение и обеспечение открытого доступа к аудиовизуальным записям и текстовым публикациям (например, цифровые коллекции Национальной библиотеки РС(Я), проекты по оцифровке фондов ИГИИПМНС СО РАН). Эти ресурсы создают новую среду для исследовательской и переводческой работы, позволяя проводить сопоставительный анализ вариантов, работать с оригинальным звучанием текстов и контекстуальными метаданными. Однако их эффективное научное и культурное использование по-прежнему основывается на фундаментальных принципах, заложенных академической школой перевода: необходимости точного двуязычного представления, тщательного комментирования реалий и учёта жанрово-обрядового контекста.

Жанрово-тематическая классификация песен Г.У. Эргисом

Анализ сборника «Якутские народные песни» позволяет реконструировать жанрово-тематическую классификацию, разработанную Г.У. Эргисом в его фундаментальном исследовании «Очерки по якутскому фольклору» [15, с. 291–323]. Выделение автором четырёх основных

блоков — песен о природе, любви, труде и быте, а также социальном протесте — отражает стремление охватить ключевые сферы жизнедеятельности и мировосприятия народа саха.

1. Песни о природе и родном крае. Включают космогонические песни о мироздании, описания времен года, флоры и фауны. Их язык насыщен сложными эпитетами, параллелизмами, гиперболами, что требует от переводчика не только лингвистической, но и образной передачи.
2. Песни о любви, браке и семье. Часто исполняются в форме «туойсуу» (величальные песни), диалога-импровизации или монолога-тоски. Перевод должен передавать тонкую эмоциональную гамму и специфику этикета.
3. Песни о труде и быте. Наиболее тесно связаны с конкретными реалиями: песни кумысного празднества ысыаха, хороводных танцев (осуохай), промыслов (охоты, рыболовства), скотоводства. Здесь концентрируется максимальное количество безэквивалентной лексики.
4. Песни социальной тематики. Отражают исторические условия жизни, критику социальной несправедливости.

Эта классификация, основанная на содержательном принципе, оказалась продуктивной для переводческой работы, так как задала определенные рамки для выбора стратегии перевода в зависимости от тематики. Так, для песен о природе, изобилующих сложной образностью, ключевой становится задача передачи поэтического параллелизма и развёрнутых эпитетов. Обрядовые тексты (ысыах, алгысы) требуют акцента на точности ритуальных формул и реалий. Любовная лирика ставит перед переводчиком проблему передачи тонких эмоциональных нюансов и этикетных формул, социальные песни — исторического колорита.

Таким образом, классификация Г.У. Эргиса служит не только систематизирующим, но и методологическим инструментом, предопределяющим дифференцированный подход к переводу разных пластов культурного кода.

Специфика перевода обрядовых и мифологических текстов: алгысы и песни ысыаха

Перевод обрядовых жанров представляет наибольшую сложность, являясь полем столкновения переводческих стратегий. Здесь в полной мере проявляется академический метод Г.У. Эргиса. В отличие от стратегии литературной адаптации, нередко применявшейся в ранних переводах, где текст адаптировался под нормы русской стихотворной традиции, метод Эргиса можно охарактеризовать как этнографически-филологический. Его работа с безэквивалентной лексикой, представляющей собой, по определению Влахова С. и Флорина С., семиотическое ядро фольклорного текста [2], строится на трехуровневой системе, где выбор конкретного приема всегда мотивирован задачей передачи семантики и культурного контекста. Подобный системный подход к переводу реалий, включающий транскрипцию, транслитерацию, калькирование и экспликацию, детально рассмотрен в исследовании А.А. Васильевой, отмечающей, что «в практике якутско-русского перевода сложились следующие основные приемы, которые применимы не только для поэтического перевода эпоса, но и для перевода других жанров якутского фольклора» [16, с. 111]. Этот выбор становится особенно наглядным при сопоставлении с другими возможными вариантами перевода, что позволяет реконструировать логику переводчика.

Рассмотрим ключевые примеры:

«Бу уол оҕобут / Кута-сүрэ буоллун», — диэн (...) [17, с. 114] — *Пусть это будет жизнью-душой / вашего мальчика», — говоря (...)* [17, с. 115]; *«Кыыс оҕобут / Кута-сүрэ*

буоллун», — диэн (...) [17, с. 116] — «Пусть будет жизнью-душой вашей дочери», — сказала она [17, с. 117].

Здесь центральный мировоззренческий концепт «кут-сүр», обозначающий единство души и жизненной силы, Эргис передает с помощью калькирования — «жизнь-душа». Этот подход был избран не случайно. Чистая транскрипция («кут-сүр») оставила бы понятие полностью непонятым для русского читателя, а подбор упрощенного аналога (например, «энергия» или «дух») привел бы к грубому сужению и искажению его синкретичного смысла. Калька, хотя и несколько расчленяет целостность концепта, позволяет вычленивать и донести его основные семантические компоненты, создавая основу для дальнейшего научного комментария.

Иную стратегию Эргис применяет к названию национального праздника «Ыһыах», останавливаясь на транскрипции — «ысыах»: *эбэрдэлээх ыһыах диэн буолла — радостный ысыах настал!* [17, с. 133].

Описательные варианты, вроде «праздник кумыса» или «народное гулянье», были бы функциональными эквивалентами, но они лишили бы явление статуса уникального культурного универсума, редуцировав его до одного из атрибутов. Транскрипция, напротив, закрепляет термин как имя собственное, как самоценный символ, требующий не замены, а семантического освоения.

Аналогичный баланс демонстрирует перевод слова «чороон» (резной ритуальный кубок): *чороон айабы тосхойдубут* [17, с. 100] — *кубки-чороны подносим* [17, с. 101]; *Тобус томторболоох / Чороон айабы тосхойдубут!* [17, с. 104] — *В девять рядов затейливо узорчатых / чороны разносим вам!* [17, с. 105].

Эргис выбирает транскрипцию («чороны»), но в контексте часто сопровождает ее пояснительным «кубки». Это позволяет избежать как излишней генерализации («сосуды»), полностью стирающей специфику предмета, так и русификации («чаши»), привносящей чуждые коннотации. Таким образом, метод Эргиса предстает как система мотивированных отказов от крайностей: от непрозрачной транскрипции, от упрощающей замены, от обобщающего описания. Его выбор — это всегда семантически нагруженный компромисс, нацеленный на создание в языке перевода точного и при этом функционального эквивалента для выражения чужого культурного кода.

Алгысы, как и песни ысыаха, являются ритуальными текстами, выполняющими призывную функцию: они обращены к божествам с просьбой о благополучии. Язык таких текстов метафоричен и императивен. Переводчик должен сохранить эту ритуальную напряженность. Например, в тексте песни «Балыксыт алгыһа» («Заклинание рыбака»): *Лоруор собо барахсаны / Толору уган кулу даа! (...), Тэрэкэнэ быччыккын / Тиһэ баттаан кулу ниһ!* [17, с. 76] — *Добрых крупных карасей / Дополни наложи-ка! (...), средних рыб-карасей / [подряд] нанизай-ка!* [17, с. 77] повторяющиеся формулы-просьбы переданы с использованием частицы «-ка» и повелительного наклонения, что имитирует интонацию заклинания.

Звуковая организация и аллитерация

Якутская поэзия строится на аллитерации, что является её структурной основой, организующей его ритм и усиливающей образную выразительность. Ярким примером системного использования звукописи может служить описание кукушки из песни «Бүлүү үнкуүтэ» («Танец по-виллойски»): *Кэжэллибит моонньоох, / Кэдэллибит быһылаах, / Кэдэгэркээн систээх, / Кэдиргилиир иэччэхтээх, / Кэлтэгэйдиир кынаттаах, / Кэрэ-чуор сангалаах, / Кэрэ-сонун тыллаах / Кэбэ кылыбыт* [17, с. 134] Перевод: *С откинутой назад шеей, / с выгибающимся видом, / с выгнутой спиной, / с назад подающейся вертлюгой / с кривыми крыльями, / со звонким голосом, / с приятной новостью / наша птичка кукушка* [17, с. 136].

В оригинале каждая строка начинается с согласного [к], который, в сочетании с повторяющимися [л], [д], [г] и [с], создаёт плотный звуковой узор. Эта аллитерация не случайна: она фонетически имитирует ритмичные, изгибающиеся движения птицы, превращая описание в своеобразное звуковое заклинание, где форма соответствует содержанию.

Эргис сохраняет семантическую точность и детализацию образа, тщательно передавая каждую составляющую описания. Однако системная аллитерация оригинала, выполняющая структурную и изобразительную функцию, в переводе неизбежно утрачивается. Переводчик компенсирует это синтаксическим параллелизмом (единая конструкция «с + прилагательное + существительное») и ассонансом («назад» — «выгибающимся» — «выгнутой» — «назад»), что придает тексту ритмическую организованность, хотя и не воссоздает фонетической магии подлинника.

Таким образом, данный пример демонстрирует проблему перевода якутской поэзии: невозможность полной передачи звуковой организации при сохранении смысловой точности. Стратегия Эргиса заключается в приоритете семантики и образности, с частичной компенсацией утраченной звукописи через ритмико-синтаксические средства, что соответствует его академическому, этнографически-филологическому подходу.

Богатство лексики, особенно в областях, ключевых для традиционной культуры, часто редуцируется. Яркий пример — термины мастей лошадей: *тураҕас (гнедой), хонгор (соловый), араҕас буулуур (светло-рыжий)*. Эргис скрупулезно сохраняет эти различия в переводе: *Тураҕас дьуһуннээх / Соноҕос атыырбыт* [17, с. 116] — *Гнедой масти / молодой жеребчик* [17, с. 117]. *Хонгор дьоруо аттардаах, / Хоро-Бороҕон оболоро* [17, с. 170] *Соловых иноходцев имеющие, / хорино-борогонские парни* [17, с. 171] *Араҕас дьоруо аттардаах, Аммам, Тааттам оболоро* [17, с. 170]. *Светло-рыжими иноходцами владеющие, / амгинские и таттинские парни* [17, с. 171].

Роль личности переводчика: методология Г.У. Эргиса

Г.У. Эргис реализовал уникальную модель переводчика-исследователя, чья роль выходила далеко за рамки лингвистической операции. Его методология, ставшая основой целой научной школы, базировалась на нескольких принципах:

1. Принцип двуязычного издания. Публикация параллельных текстов обеспечивала доступность материала для широкого круга исследователей и проверяемость перевода.
2. Контекстуальный и комментаторский подход. Каждая песня сопровождается указанием на информанта, времени и места записи. Реалии и сложные понятия разъясняются в обширных примечаниях и глоссариях, превращая перевод в культурологический комментарий.
3. Баланс между точностью и художественностью. Г.У. Эргис стремился к максимально точной передаче смысла, но не в ущерб поэтичности текста. Он активно использовал весь арсенал переводческих трансформаций (лексические добавления, опущения, грамматические замены), чтобы русский текст звучал естественно, сохраняя этнографическую достоверность.
4. Системность. Его работа по переводу песен была частью масштабной программы по переводу всего корпуса якутского фольклора (олонхо, преданий, загадок), что обеспечило единство терминологии и подходов.

Эта системная работа позволила не просто перевести тексты, но и создать для них адекватный понятийный и терминологический инструментарий на русском языке, легитимизировав якутский фольклор как объект серьёзного академического изучения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что фольклористическое изучение якутских песен неотделимо от проблемы их перевода. Работа Г.У. Эргиса и его школы представляет собой последовательную реализацию академического подхода, целью которого является научная фиксация и декодирование культурного кода, воплощённого в фольклорных текстах. Разработанные ими методы перевода безэквивалентной лексики и обрядовых формул, основанные на сочетании транскрипции, семантического перевода и подробного комментария, сформировали эталон для последующих исследований. В сравнительной перспективе этот этнографически-филологический метод противостоит стратегиям литературной адаптации, подчеркивая приоритет сохранения культурно-обусловленных смыслов.

Таким образом, фольклористический анализ не только выявляет жанровое и тематическое богатство якутских песен, но и подчеркивает, что их адекватный перевод — это сложная научная задача, требующая синтеза филологической, этнографической и переводческой компетенций. Опыт, накопленный от первых собирателей XIX века до академической школы Г.У. Эргиса, представляет собой ценный методический ресурс для сохранения и актуализации нематериального культурного наследия народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 352 с.
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва: Высшая школа, 1983. 303 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Москва: Международные отношения, 1974. 216 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Ленинград: Наука, 1969. 437 с.
7. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. Москва: Наука, 1993. 713 с.
8. Рожина И.В. Из истории перевода текстов якутского фольклора в институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66), ч. 2. С. 157–159.
9. Саха народун айымньыта = Творчество якутского народа / сост. Г.М. Васильев, Х.И. Константинов. Якутск: Кинигэ изд-вота [САССР государственной издательства], 1942. 252 с.

10. Мухоплева С.Д. Якутские народные обрядовые песни: (Система жанров). Новосибирск: Наука, 1993. 110 с.
11. Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. Якутск: Якутское книжное изд-во. Ч. 1–3. 1976, 1977, 1980.
12. Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука; Сиб. издат. Фирма РАН, 1995. 400 с.
13. Якутские загадки / сост., пер., вступ. ст. и комм. С.П. Ойунская, науч. ред. Н.В. Емельянов. Якутск: Якуткнигоиздат, 1975. 374 с.
14. Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева и др. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с.
15. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Москва: Наука, 1974. 402 с.
16. Васильева А.А. Основные приемы якутско-русского перевода (на материалах перевода олонхо) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2011. Т. 8, № 2. С. 105–112.
17. Якутские народные песни: в 4-х ч. Ч. 2. Песни о труде и быте. / Подгот. Г.У. Эргис, Н.М. Алексеев, Н.В. Емельянов, С. П. Ойунская. // Якутск: Кн. изд-во — 1977. — 421 с.

Ivanova Sargylana Vladimirovna

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: i.sargylana@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=329776

Yakut folk songs as an object of translation: problems and methods of intercultural transmission

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the translation of Yakut folk songs, based on the collection «Yakut Folk Songs. Part 2». The aim of the study is to examine Yakut folk songs as an object of translation, reconstruct the historiography of their study, and analyze the specifics of translation strategies developed within Russian academic scholarship. The paper traces the traditions of scholarly study of Sakha folk songs, beginning in the second half of the 19th century (I.A. Khudyakov, V.L. Seroshevsky), and their influence on the development of the principles of scholarly translation. Particular attention is paid to the Soviet period and the institutionalization of research. The article focuses on the genre-thematic classification of songs developed by G.U. Ergis and the specifics of translating ritual (ysyakh, algys) and mythological texts, rich in cultural concepts and non-equivalent vocabulary. Specific examples demonstrate how translation transcends the confines of linguistic operation, transforming into an act of intercultural decoding and becoming a key tool for capturing, preserving, and transmitting the unique cultural code of the Sakha people. G.U. Ergis's methodological role is revealed as the founder of a holistic school of academic translation, whose principles-bilingual publication, contextual commentary, and a balance of accuracy and artistry-established the benchmark for subsequent research. Thus, the article emphasizes that adequate translation of a folklore text is a complex scholarly task requiring a synthesis of philological, ethnographic, and translation competencies.

Keywords: Yakut folklore; folk songs; translation; non-equivalent vocabulary; realities; cultural code; genre classification; G.U. Ergis